

ДМИТРИЙ
СИДОРОВ

МИСТИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ
НЕ МИСТИЧЕСКОГО
ЧЕЛОВЕКА

7 ИСТОРИЙ
О НЕОБЫЧНОМ

Дмитрий Сидоров
Мистические записки
не мистического человека.
7 историй о необычном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923768

ISBN 9785449699411

Аннотация

«Мистические записки не мистического человека» представляют собой семь мини-историй о разного рода чудесах, которые случились с автором в его жизни. Причем автор, описывая события, выходящие за рамки обычного, при этом остается лишь свидетелем происходящего, никак не давая ему оценку, оставляя право за читателем делать свои выводы.

Содержание

Предисловие	5
1. Диадема	6
2. Неизвестный	14
3. Цветок жизни	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мистические записки не мистического человека 7 историй о необычном

Дмитрий Сидоров

Корректор Анна Кычакова

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Дмитрий Сидоров, 2020

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-9941-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Истории, которые имели место быть в моей жизни, абсолютно правдивы. Они содержат описание увиденного лично мною, и их трудно отнести к обычным совпадениям, какими так часто ум объясняет чудеса. Столкнувшись лоб в лоб с нижеописанными, будучи по природе человеком здравого рассудка и держащим дистанцию к оккультному и мистическому, я все же решил их рассказать, поскольку все они уж сильно выходили за рамки обычного. Я не ставлю себе цели убеждать кого-то в присутствии необъяснимого в нашей жизни, ни верить в существование высших сил. Единственное, что я хотел, так чтоб читатель увидел рассказанное так же, как я – спокойно, здраво, не спеша с вопросами и ответами.

1. Диадема

Дело было около пяти-шести лет назад. Объяснить свою тягу, которая проявляется у меня в посещениях время от времени какого-либо из монастырей, не могу. Возникает вдруг такое желание, и я его просто фиксирую и наблюдаю: как оно поведет себя дальше? Если оно настойчивое – ищу тогда способ как-то его удовлетворить. Если нет, все проходит само собой. Но на этот раз не прошло. Желание посетить один из монастырей в километрах трехсот от столицы появилось среди обычной приглушенной тяжелым ритмом зимы жизни в мегаполисе. Размышляя над ним, я все же нашел источник, который манил в нем все более отчетливо. Это была одна икона, славившаяся как в той местности, так и далеко за ее пределами. Надо сказать, что иконы с изображением Девы Марии (женского начала) откликаются как-то ярче во мне, нежели другие. Поэтому уловив этот сигнал-желание увидеть эту икону, я стал наблюдать за его силой и одновременно думать, что мне с ним делать. Не такой уж я тяжелый на подъем, чтоб взять и не отложить будничную рутину жизни и уделить внимание позывам сакральным. Такое уже бывало. Но в это раз все произошло по-другому. Икона «сама приехала» в наш город. Об этом я узнал из рекламы в метро, спускаясь как-то по эскалатору вглубь одной из станций. Эта весть меня сразу обрадовала. Все сразу решилось – не на-

до было никуда ехать, и это означало, что «встреча» произойдет. Твердо решив использовать данный шанс, я выбрал один из выходных, чтобы совершить самое близкое и простое в своей жизни паломничество. Храм, в который икона была привезена, был мне не знаком. Он находился возле одной достаточно людной станции метро. Уже выйдя из перехода на небольшую площадь, я еле разглядел вдалеке хвост скрывающейся между домами и постройками очереди. Я понял, что мне туда... Подходя к ней и примерно представляя ее протяженность, я начал рассчитывать время стояния. Дойдя до конца, то есть для меня до начала, я даже не увидел храм, в который эта змейка людей вела... Но дав себе слово использовать шанс, не принимая никаких отговорок, я спросил крайнего. Прикинув примерно протяженность исчезающей за постройками вереницы людей, я понял, что вся история займет не менее часов пяти... Постояв некоторое время, я решил позвонить Т., и спросить, не занята ли она чем-то в этот выходной, чтобы составить мне компанию в длительном стоянии. К моему счастью, Т. сказала, что свободна и уже выезжает.

Мне придется описать Т., поскольку все, что было дальше в этот день, связано именно с ней. Т. – женщина лет сорока, в которой сочетались жизнерадостность, веселость страстной натуры и самое что ни есть глубокое погружение в мир духовной жизни. Мы познакомились в вечерней музыкальной школе, где я брал уроки музыки. Часто после занятий

мы шли с Т. по направлению к метро и беседовали с ней на разные темы, которые представляли собой сплав философии, религии и этики. Иногда в таких беседах мы доходили до метрограда под Хрещатиком, где приправляли высокие мысли чашкой кофе и вкусными ароматическими сигаретами. Сигареты были слабостью Т., в которой она отдавала себе отчет, делая это, как и я, совершенно осознанно. Наслаждаясь великолепно сплетающимися ароматами напитка и дыма в один пряный сладковато-горький вкус, мы продолжали наши разговоры до тех пор, пока я не понимал, что могу не успеть на последний поезд метро. Если привести к одному знаменателю, какой видела картину мира и его проблем Т., то все сводилось к простому слову «Любовь» или ее отсутствие. Это слово не было для нее просто красивым. Это очень важно. Наоборот, оно было ее ежедневной практикой, в которой она наперекор обстоятельствам, которые всем нам рано или поздно выбрасывает жизнь, исповедовала его неукоснительно. Это был ее принцип, ее кредо, вокруг которого вращалось все остальное. Т. настолько верила в Любовь как закон всего, что часть этой уверенности передавалась и мне на какое-то время. Я слушал ее, пытался находить в ее теории недостатки, но даже находя их, я точно давал себе отчет – я проникался большим уважением к Т. Одно дело – говорить, ДРУГОЕ ДЕЛО – ОБЕЩАТЬ ДЕЛАТЬ, А ТРЕТЬЕ ДЕЛО – ПРОСТО БРАТЬ И ДЕЛАТЬ. Т. так жила – она «делала любовь» где только могла, создавая ее каждый день

вокруг себя и передавая другим. Даже тогда я понимал, что это один из самых сложных жизненных путей. Любовь вопреки жесткости жизни, вопреки безумию мира, вопреки задерганности людей вокруг. Без компромиссов, не давая себе права соскользнуть в тот мир, где она не живет, подавляемая эгоизмом и страхами. Это было кругом, а в тех наших разговорах мы словно были на каком-то острове, благодаря вере Т. Иногда, правда, я, как человек, стремящийся держать баланс между иррациональным и рациональным в жизни, хотел, чтобы Т., не шла так глубоко в своей пронизанной высоким служением устремленностью, чтобы все же пожалела себя, но она, понимая меня и мои мысли в такие минуты, демонстрируя уважение ко мне, оставляла право следовать своим принципам. Любовь для Т. была трудом, и она «работала» над собой, над другими в этом направлении без остатка.

Что еще могу добавить? Немного о ее жизни... История Т., как я понял, состояла из двух абсолютно разных этапов. Первый – это ее брак с уважаемым мужчиной: бизнесменом, семьянином, уважаемым человеком... И второй – после аварии, где он погиб. Я узнал Т. через лет 5 после этого события и о том, какой она была раньше, мог сложить представление из ее рассказов. Она называла тогда себя обычной эгоистичной, взбалмошной женщиной. После всего случившегося она полностью изменилась и стала уже той Т., какой я ее теперь знал. Любовь, служение, высокое и чистое – вот

та наивысшая планка, которую определила себе Т. в новой жизни.

В этом месте читатель может подумать, что, возможно, Т., не перенесла горя потери мужа, вследствие чего ее здоровье было нарушено каким-то образом. Честно признаюсь, такие мысли иногда посещали мою голову, пытающуюся думать трезво, но уверяю вас, читатель, что зная Т. уже больше 10 лет, могу сказать, что она нормальнее многих здравомыслящих, ходящих по этой земле. Даже несмотря на то, что Т. постоянно кормит голубей хлебом в зимнее время и иногда спасает тех из них, кто не может по тем или иным причинам летать и обречен на смерть, она для меня более чем нормальна со своей все объясняющей теорией Любви. А события, которые произошли со мной и Т. в очереди, в которой она спасла меня от стояния в одиночку, заставят задуматься и давать оценки Т. более аккуратно. Не знаю, получилось ли описать мне Т., с ее итальянской внешностью и иногда проявляющимся таким же темпераментом во время споров, но именно такие небесные и земные черты сочетались в ней. Только вот небесных у Т., по моему наблюдению, было куда больше. А может, она вообще хотела, чтоб эта чаша еще более наклонилась в сторону последних?.. Так она живет. Мой друг и собеседник о главном.

Я увидел ее издалека. Она, заметив меня, улыбнулась и направилась быстрым шагом в мою сторону. Оценив длину очереди и время, которое нам предстоит вместе провести,

Т. отпустила шутку на эту тему, и мы начали с ней расспрашивать друг друга о делах. После этой короткой процедуры, мы начали рассматривать соседей по очереди. Надо сказать, что публика была разная. Объединяло ее только какое-то воодушевление, что ли. Приподнятость. И я уловил эту ноту и постарался тоже слиться с другими на этой волне. Кто-то рядом читал акафист, кто-то знакомился, кто-то советовал, как лучше подойти к иконе. В моей жизни это была, наверное, одна из самых оптимистически настроенных очередей. Люди делились друг с другом информацией, водой, текстом молитв. Очередь шла очень медленно. В зимнем небе выглянуло солнце. Стало еще светлее и теплее... Я помню, что смотрел вперед, слушал рассказ соседей и вдруг оглянулся на Т., которая стояла чуть позади меня. Расстояние между нами было меньше полуметра. На ее каштановых густых волосах я отчетливо увидел... Сначала я не понял что. Мне показалось, что это как-то странно, что не касаясь ее головы, вокруг ее прически, как бы вися в воздухе, находился предмет, как бы сотканный из очень тонкой проволоки, если это можно назвать проволокой. Сердце мое и ум мой замерли. Я смотрел с расстояния меньше вытянутой руки на объект, внешне похожий на диадему, только сделанную из очень тонкого материала. В данном случае я бы употребил слово, которое описывает этот материал как нерукотворный. Не думал, что доведется мне к месту и по делу применять это выражение. У объекта, как я мог также заметить, была четко выра-

женная симметрия – полукруг с расставленными на равном расстоянии друг от друга светящимися точками. Точки светились зеленоватым цветом. Цвет был такой нежный и глубокий одновременно, что просто не верилось, что такой вообще существует в природе. Мой первый взгляд на необычный предмет длился секунды две-три. Мысли после первого ступора неожиданности дали через мгновение команду отвернуться и посмотреть еще раз. Я отвел голову в сторону и тут же глянул еще. Диадема вокруг головы Т. с зелеными огоньками была на том же месте. Прошло еще несколько секунд. Я не знал, что делать. Я смотрел, а потом решил еще раз отвести взгляд. Глянув снова, я уже ничего не увидел...

Я ничего не сказал Т. Я оставил то, что видел в своем сознании, не пытаясь объяснить все сразу. Я решил уже потом подумать, что я видел, оставляя все виденное в особом месте своей памяти и души. Очень чистом и таком, о котором просто так не рассказывают. Прошло уж столько лет, когда я решил описать увиденное мной. Собственно, целей у меня для моего описания нет, пусть читатель сам для себя решит, что с этим повествованием делать – не поверить, посмеяться или забыть.

Мы попали к иконе, когда начало смеркаться. В общей сложности я провел в этой необычной очереди около 7 часов. Уставший, но счастливый, я наконец-то вошел в небольшую церквушку, где она находилась. Возле нее в свете лампад, свечей стояли молодые монашки в праздничной одежде.

Войдя, я увидел икону, к которой так давно хотел прикоснуться. Без высоких слов мгновение было торжественным. Одна из девушек подвела меня, сказала, что делать, и добавила: «Не болей, расти большой». Эти слова сразу же улетели в уголки дальней памяти, поскольку думать о них я тогда не мог. Я подошел к иконе, наконец увидев ее прямо перед собой. Встреча состоялась. Приложившись, я еще постоял возле нее пару секунд, а затем уступил место следовавшим за мной людям... Мы вышли с Т. из церкви, когда на улице уже было темно. Молча мы пошли обратной дорогой к станции метро. Нам с Т. было по пути проехать остановок пять. В вагонах было полупусто. Мы перекинулись еще парой ничего не значащих фраз, и на своей остановке Т., улыбнувшись мне, вышла из вагона. Я поехал домой, унося с собой события этого необычно-обычного зимнего дня...

2. Неизвестный

Оглядываясь назад на внушительное количество прожитых лет, я не могу не заметить, что в моей жизни есть определенные этапы, которые качественно отличаются друг от друга. Это кажется мне слегка необычным, особенно когда я смотрю на людей, которые проживают жизнь, как один цельный кусок – как женился, так и до пенсии «тянется эта история», где он, этот человек, меняется только внешне, стареет. Внутренне же он не меняется. Вернее, жизненный опыт не меняет его. Меня изменил, и не раз. Я подумывал, что это похоже на ракету, которая взлетая в космос, отделяет по очереди одну ступень за другой. Я подобно космонавту, находясь в центральном модуле, лишь замечал и ощущал – первая ступень отошла, вторая, третья, и корабль летит куда-то дальше... Так, первая ступень отделилась в период моего расставания с семьей. Ввиду определенных обстоятельств я пришел к ясной черте – жить в дорогом мне доме больше не представлялось возможным никаким образом. Четко в памяти эта «ступень» запомнилась как ночь, сумка в руках с вещами, пугающая неизвестность впереди и чей-то голос, тихо говорящий, что все будет хорошо. Не знаю как, но я поверил... Так начался мой новый этап человека, предоставленного самому себе. Через месяца два «акклиматизации» я нашел много положительных преимуществ в таком образе

жизни. Один из них – это свободное время, которое теперь можно было уделить себе. Так в моей жизни возникла секция карате в одном из индустриально-мрачных районов города Н. Я решил измениться, и на этом пути надо было покончить со страхом, который у меня вызывали разного рода разборки и драки. Меня это угнетало, и я решил с этим покончить. Так в моей жизни появился человек, который мне очень помог тогда, который со временем стал моим другом. Его звали В. В. Он был тренером и фанатом карате, а со временем стал даже психологом и доктором философии, над чем я с удовольствием подшучивал. А сначала, конечно, было не до шуток. Убитый зал в какой-то школе с отваливающейся штукатуркой, мрачные пацаны-школьники и ребята чуть старше, бросавшие на меня тяжелые взгляды. Единственное, что, наверное, оставило меня там на несколько лет тренировок, это В.В., который после нескольких месяцев моих интеллигентных попыток освоения карате обратил на меня внимание и начал помогать. Так я постепенно влился в странный коллектив каратистов окраины города Н. В. В. вызвал у меня симпатию. После пяти лет обучения режиссуре в институте, работы в театре, огромного количества прочитанных пьес, книг я вдруг столкнулся с миром, где все просто. Витиеватость рассуждений заменялась простыми, как рельсы, прямыми, но правдивыми словами. Поступки и действия тоже измерялись просто: либо сделал, либо облажался. Я со временем стал кайфовать от этого и в жизни тоже стал проще

и прямее. Изменился и внешне. Мои вечные 60 с лишним килограммов тела превратились в 73 отличного телосложения, спокойного взгляда, от которого оппоненты слегка начинали нервничать, и улыбки как реакции на предстоящие разборки. Эта жизнь и я сам в ней мне нравилась. Прозанимавшись у В.В., подружившись с ним за это время, я через три года заметил, что становлюсь каратистом, и, если продолжу, то такой и будет моя дальнейшая жизнь... Но внутри себя я ее такой не представлял. Мои музыкальные таланты, развившиеся в то время на рекламном поприще (я записывал рекламу для радио) звали меня вперед. К этому времени подросли и мои дети, с которыми я виделся все это время так часто, насколько мог. Они уже могли спокойно обходиться без меня, и этот факт тоже развязывал мне руки. Постепенно вырисовывался следующий этап – столица, музыкальные и рекламные перспективы. Я же все же не каратист. Поговорив с В.В., я начал готовиться к переезду.

Дорогой читатель простит снова за внушительное отступление, но оно мне видится необходимым, поскольку помимо моих размышлений об этапах жизни оно подводит непосредственно к главным событиям.

Весь этот период моей новой жизни я жил в трехкомнатной квартире, которая на время развода как раз оказалась пустой. Семья осталась жить в частном большом доме в центре города, а мне по условиям развода досталось это жилье.

На большее я не претендовал, и доставшаяся квартира, хоть была и почти без мебели, мне нравилась. В ней было приятно и просторно. Особенно здорово я себя чувствовал там летом. Залитые солнцем две комнаты с окнами на юг, золотистого цвета паркет, свежий ветер с лимана... Все это сделало эту квартиру для меня дорогой, и когда встал вопрос сдачи ее в аренду, я чувствовал, как не по себе мне было на душе. Но делать было нечего – чтобы снимать жилье в столице, мне на первое время нужны были деньги, поэтому в этой ситуации я решил тщательно подойти к вопросу поиска потенциальных съемщиков.

Мои усилия и тщательность сыграли злую шутку, и результат оказался противоположным. У меня уже был на руках билет на поезд, когда в квартиру вошла семья – опрятно одетый мужчина, обычная женщина с мальчиком лет четырех. Как мне представлялось, такой вариант был идеальным. Очевидно, на это и был рассчитан весь этот спектакль, как я понял позже. Мужчина держался очень вежливо, сдержано, женщина была такой простой, что подумать что-либо неладное я и не мог. Уже зайдя на следующий день в квартиру за частью денег, которую мне пообещали отдать, я заметил подозрительные вещи. На моем телевизоре, который я оставил по доброте душевной моим съемщикам, был водружен дешевый магнитофон, из которого звучал шансон... Сам мужчина, который вчера ходил как по струнке в своей белой сорочке, встретил меня в семейных трусах и майке, что-то

рассказывая о небольшой задержке с деньгами. Но меня поразило изменение в его, как выражаются люди театра, физическом самочувствии. В движениях появилась развязность, в манерах чуть скрываема наглость, а в речи обороты, которые мы замечаем, когда нам что-то начинают втирать, но что мы пока понять не можем... Я понял позже, когда задержки с оплатой моей квартиры стали постоянными. Через месяц в слезах мне позвонила та женщина с ребенком, что появилась у меня тогда в квартире, и сказала, что уходит от этого человека. Новостью, которая для меня окончательно прояснила картину сдачи моей квартиры, был ее рассказ о том, что познакомилась она с В. (так звали этого мужчину) за день до того, как войти в мой дом. Налицо был умело разыгранный спектакль. Но каковы его последствия я узнал позже... Стали звонить соседи и жаловаться на постоянные ночные мероприятия у меня дома. Рассказывали о каких-то разгрузках чего-то в ночное время, постоянных криках, музыке... Через четыре месяца проволочек с оплатой, жалоб, а главное, ощущением того, что любимое жилье теперь черт знает у кого в руках, заставило меня принять радикальные меры. Я приехал из столицы, чтобы как-то прекратить это все. Но оказалось, что сделать это было непросто.

Далее события в хронологической последовательности. Я встретился с В. днем по приезду. Он в энный раз начал говорить, что деньги будут, но чуть позже. Я сказал, что мне все надоело и, если денег нет, то квартиру я сдавать не буду.

Он начал мне предлагать свои наручные часы в виде залога до вечера, что деньги будут. Эти его действия еще более насторожили меня, заставляя понять всю моральную пропасть человека, с которым я оказался связан. Он пойдет на все. У него нет никаких ограничений, если он может в одну секунду менять маску с уверенного типа до человека, готового на унижение, снимая с себя наручные часы для каких-то гарантий. Я только тогда понял, что перед мной не простой бандит, а очень хитрый и очень умный. Пока я шел к себе в квартиру, посмотреть что там и как, о чем я предупредил В., я думал, что за время нашего знакомства этот тип узнал много обо мне. Он понял меня как человека, он знал, что живу я один. Не задумал ли он чего, подумал я? Подозрений добавило увиденное в квартире. Я застал там какую-то непонятную пару – мужчину и женщину среднего возраста. Если бы мне сказали в тот момент «представь двоих бандитов», то я бы представил их именно так. Тяжелые взгляды, какие-то недомолвки и ощущение чего-то тайного в отношении меня. Я почувствовал опасность. Реальную опасность от людей, которые могут пойти на все. Тут могло быть оружие, дьявольская хитрость, вещи, с которыми я еще в своей жизни не сталкивался. Выйдя из квартиры в тяжелых впечатлениях, я опять стал звонить В., чтоб окончательно договориться о встрече и расчете. Я подумал, что если денег не будет, тогда я законно смогу их выставить. Если попру прямо, все может неизвестно как закончиться. В., к моему

удивлению, сказал, что деньги будут, но сможет встретиться со мной возле гостиницы в полпервого ночи... «Отличное время для встречи, чтоб что-то со мной сделать», – подумал я, но решил все же идти на встречу.

Он спустился в фойе гостиницы по лестнице, где я стоял, ожидая его, легко и непринужденно, как будто до этого не было между нами напряженных разговоров. Сейчас это был еще другой человек с новой маской поведения. Эта непринужденность и расслабленность в его слегка толстоватом теле молниеносно отозвалась в моих мыслях – он что-то уже решил. В. подошел ко мне, и еще до того, как он начал, я понял, что встреча наша будет иметь какое-то продолжение: поехать куда-то или что-то в этом роде... И в это время, наверное, в мой жизненный час икс, в фойе вошел человек, которого я никогда не забуду. Он оставил у меня очень странное ощущение. На вид это был обычный мужчина лет 35, однако, я, взглянув на него, не смог как бы определить, понять, кто был перед мной. Он был очень спокоен, он тихо говорил, и, клянусь, за долгое время жизни в этом городе я не встречал таких людей. До меня донеслись слова, которые он начал говорить В. Я как бы слышал их и в то же самое время стоял в стороне, как во сне. Я не мог понять происходящее. Человек начал спокойно уговаривать В. чего-то не делать. До меня долетели слова «он ни в чем не виноват», «не надо». В. это все слушал тоже в каком-то ступоре. Они не были знакомы. Просто В. слушал незнакомца молча,

и все. И я слушал, и все... Это продолжалось секунд 15—20, потом он вышел в двери, и я больше его никогда не видел. В. изменился. Пропала его суть, готовая выкручиваться из любых ситуаций, осталось что-то прятавшееся в глубине его натуры, уже без маски, то, чему можно было верить... Он сказал, что съедет через пару дней. Это были первые правдивые слова, услышанные мною от В. за время наших отношений. Я думаю, что меня спасли в тот вечер. Я не знаю, кто был тот человек, появившийся в нужный момент с точностью до секунды. Человек, который заставил В. слушать себя. Человек, с появлением которого вся ситуация стала на некоторое время словно наваждение. Что-то было, а что?.. Кто-то был, а кто? Не буду читателя направлять по руслу своих догадок, но, думаю, многие и сами к ним придут, кем был тот Незнакомец.

В. съехал, как обещал. Я несколько дней отмывал свою любимую квартиру от грязи, запахов, укоряя себя за доверчивость. В одной из тумбочек нашел тетрадь, в которой В. писал слова раскаяния за совершенные им поступки. Он обращался к Богу и просил его о прощении. Видать, в душе В. происходила та еще битва. В этой битве мне посчастливилось не стать поступком, за который бы он вымаливал еще одно прощение перед Всевышним...

3. Цветок жизни

С А.А. я познакомился одним солнечным летним днем, когда решил пополнить свои знания о музыке и зашел в одну из вечерних музыкальных школ столицы с целью узнать как и что. Меня направили в один из классов, который был расположен на втором этаже старенького, чудом сохранившегося в респектабельном районе центра столицы, двухэтажном особняке прошлого столетия. Он так и стоял, этот дом, давно требующий ремонта, от этого еще больше кажущийся диковинным среди дорогого пейзажа красивых домов с парковками с иномарками. Позже А. А. мне объяснила, что если бы его удалось отремонтировать и привести в порядок, его ту же отхватили бы дельцы, для которых такое здание в центре, в котором после работы учат людей музыке (о чем мы?), было бы легкой добычей. Поэтому оно так и стояло, как жалкий выцветавший островок из старого кирпича. В середине все также было дышащим на ладан, как говорится.

При входе в тесной камерке встречал вахтер – бедолашный мужчина лет 50 в поношенном костюме. От этой камерки, где он готовил чай и нехитрые обеды, в обе стороны шли классы. Класс А. А. был на втором этаже, куда вела старая деревянная лестница, на ступеньках которой гвоздями был прибит линолеум, стершийся от давности лет. Но когда я вошел в класс А.А., где на тот момент было пусто, то ощутил,

несмотря на тот же убогий пейзаж, что был везде в помещении школы, какой-то простор и чистоту. Это был маленький класс: четыре на четыре метра квадратных. В углу, слева при входе, стояло старенькое пианино, справа на стене висело зеркало, в котором А.А. обычно после занятий поправляла прическу, прежде чем идти домой. Несмотря на то, что идти ей было минут шесть, ее дом был в следующем квартале, все в ее одежде и внешнем виде должно было быть аккуратным. Это одна из черт этой необычной и интересной женщины лет около 70, которая поражала своей энергией и какой-то воодушевленностью. Посреди комнаты стояло несколько рядов старых, изрезанных царапинами и надписями парт еще советских времен. Над ними на неровной стене бело-серого цвета висели несколько портретов композиторов. С одного из них, расположенного прямо напротив входной деревянной двери, покрашенной уже энным количеством слоев белой эмали, смотрел Бетховен, сведя строго брови на лбу. Под портретами находилось окно и дверь на старенький балкон, на который выходить было страшновато из-за его состояния. Но тогда все это не смутило меня, хотя бросилось, конечно, в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.